

«ЧЕРНЫЕ» И «БЕЛЫЕ»

Уже заголовок повести — «Здоровые и больные» как шахматная расстановка фигур: черные и белые. Правда, в самом начале — шах: во время операции умирает больной — скромный молодой парень Тимоша, и главный врач больницы Семен Павлович Липнин использует это обстоятельство против хирурга Новгородова «как оружие». Но само это начало — и не начало вовсе, а, так сказать, пик конфликта. А началось все с приглашения Семеном Павловичем в свою больницу «престижного», «авторитетного» сорокалетнего хирурга Владимира Егоровича Новгородова, к которому «стремятся попасть», что очень важно для рекламы возглавляемого Липниным лечебного заведения, имеющего, по его словам, «лечебно-профилактическую специфику». Последовал розыгрыш дебюта: «— Вы... управляемый человек? — Смотря кто мной управляет. — Ого, чувство юмора!

Он зааплодировал так отработав, что ладонь и пальцы одной руки полностью совпадали с ладонью и пальцами другой.

Судя по такому обмену «ходами», «партия», если ее можно так назвать, не должна была затянуться. Ницья также исключалась. Потому что расстановка сил предполагала бескомпромиссную борьбу. Суть же конфликта в том, что, по словам ординатора Маши (часто переводившей неясные высказывания на общедоступный язык), Семен Павлович — «не врач», хотя по должности он даже главный врач. Но для Новгородова и его помощников, своеобразного тандема Маши и Паши, врач — понятие не только профессиональное, а и нравственное (и это уже не из теории шахмат).

В основе всякого художественного конфликта — столкновение принципов (хотя, разумеется, за ними стоят люди со всеми присущими им свойствами характера). Принцип врачебной деятельности Семена Павловича точно квалифицирован Новгородовым: «Он был бы счастливы, если бы все важные для него люди нуждались в операционном вмешательстве. А еще лучше — если бы можно было заманить их к нам в больницу здоровыми!»

«Принцип» Новгородова, «управляемого» собственной совестью, явлен нам тоже достаточно определенным, хотя, может быть, несколько лирически смягчен (поскольку повесть от его лица): «Я привык к больным... Особенно к тяжело больным, за жизнь которых приходилось бороться. Я был признателен им за то, что они выздоравливали. Я любил их за это». Впрочем, есть свидетельство и

объективное, со стороны. Так, та же Маша, которую в подхалимаже не заподозришь, говорит Новгородову: «— Чтобы заслужить вашу мужскую любовь, надо заболеть... И как можно серьезнее! Из больных и здоровых вы всегда выберете больных. И лишь им отдадитесь, так сказать, целиком».

При таком отношении к делу столкновение Липнина и Новгородова было неизбежным. И «белые» (все же Семен Павлович сделал первый шаг, пригласив к себе Новгородова) стали теснить «черных» по всему фронту, поскольку последние делают «ошибки» одну за другой: подбирают буквально за оградой и сразу кладут на операционный стол попавшую в аварию женщину с ребенком (какой риск — не лучше ли было отвезти в травматологию?), не вовремя (когда в больнице затеял ремонт) делают операцию врачу Зеленцову и т. д. А вот и «зевок»: чувствовал ведь Новгородов, что Тимоше нельзя делать операцию — сердце слабое, — но уступил нажиму главного врача, поддавшись уговорам (а хирург не имеет права поддаваться на уговоры). И в итоге — трагический исход...

...Повесть буквально пестрит афоризмами. Такое впечатление, что она почти вся написана афоризмами: «Инерция репутаций...если она выражена в четкой словесной форме... присваивается человеку как воинское или научное звание»; «Со всем, что не касалось лечения, у нас в больнице обстояло особенно хорошо.»; «Если бы мы в зрелом возрасте так боялись терять матерей, как боялся этого в детстве!»; «...Разводясь с женами, мужчины часто разводятся и с детьми»; «Красивые женщины, на ее взгляд, в сочувствии не нуждались»; «Рассуждать о воспитании, не имея своих детей, все равно что давать советы больным, не имея медицинского образования» и т. д. и т. п. Десятки отточенных остроумных фраз.

Афористичность — воздух повести, которым дышат ее персонажи. Диалоги и афоризмы, обмен мнениями, а точнее, колкостями, — это сама гкань, атмосфера произведения. Герой живет не в описании (оно сведено до минимума), а в слове. Но зато что говорят, то и делают. Новгородов, Маша и Паша — те вообще максималисты, но и Семен Павлович со всеми своими высокопоставленными покровителями не скрывает своих намерений. Ньюансов почти нет. Принципиально коленчатая проза, не скрывающая своих приемов, даже выпячивающая, подчеркивающая их — автор, словно критик в статье, то и дело выделяет разрядкой слова, либо акцентируя на них внимание, либо выявляя их второй, скрытый

смысл: «Он предпочитал госпитализировать людей с подозрением на какие-либо заболевания. Я называл их «подозрительными больными»...

Как выделить, сделать запоминающимся героя? Берется один выразительный жест-штрих, «опознавательный знак»: Семен Павлович иронически «хлопает» себе и другим, старшая сестра Алевтина осуждающе поджимает («прячет») губы, Маша, чуть что, осаживает разволнованных почему-либо друзей или противников: «Не напрягайся!», Зеленцов усиленно исповедует свою теорию «отчуждения»: «Я — только врач!». И вот уже героев повести не спутаешь друг с другом. Просто? Попробуйте.

Но это внешнее. А характеры? Не получается ли, что одни герои — положительные, другие — резко отрицательные? Действительно, «черные» и «белые»... Каких неожиданностей можно от них ждать? Заранее можно сказать, кто после смерти Тимоши выступит на стороне Семена Павловича, кто... Судя по всему, Новгородову несдобровать... Но вы забыли, что есть «ход конем». Маша достает «книгу отзывов» и во всеуслышание объявляет, что «наши войска получили мощное подкрепление», — благодарственные записи больных говорят сами за себя. И выздоровевшие, вырванные из лап смерти, конечно же, явятся и скажут свое слово. Но неожиданно выясняется, что мечтавший как о счастье, о возможности отблагодарить своих спасителей Зеленцов (кстати, после выздоровления отказавшийся от своей теории «хладнокровного врачевания») уклоняется от этой обязанности, а сестра Алевтина, «влюбленная» в главного врача, обычно осуждавшая Новгородова, вдруг дает объективные «показания» инспектору Бабкиной. И как подтверждение того, что в шахматах нет второстепенных фигур, на высокое заседание приходит сын спасенной Новгородовым женщины — юный Коля. И эффектная концовка, завершение: «— Странно все это! — Семен Павлович резко вскинул и опустил плечи. — Ну почему же? — возразила Бабкина. — Пусть мальчик скажет...»

Вот так-то: «устаами ребенка...» — поскольку не все взрослые оказались мужественными. И мы вспоминаем обреченную Машей в начале повести саркастическую фразу об излечившихся и, кажется, исполненных вечной благодарности пациентах, которые, однако, выйдя из больницы, почему-то очень скоро забывают о том, кому они обязаны восстановлением своего здоровья, а то и жизнью: «— Мне кажется, они у нас были здоровыми, а потом заболели. О люди! Они редко изменяют себе. И гораздо чаще другим!» Вспоминаем и название повести, осознавая

вдруг, что не все, кто лежит в палатах, больны, а кто физически крепок — здоров. С точки зрения жизни и морали здесь своя диалектика. И вот уже на наших глазах «черные» и «белые» персонажи «покрываются пятнами» и начинают выглядеть если не во всей цветовой гамме, то «в крапинку».

И все же жесткость, конструктивность, «каркасность» повествования заметны, возражает мне внутренний оппонент, и вся повесть «рассчитана» от первой до последней фразы. Наверно, это так. А кто сказал, что искусство — подобие жизни, буквально ее отражение, а не опосредованная художнической мыслью логически выстроенная модель (ружье, появившееся в первом акте, стреляет в последнем).

А затем при желании и внимательном чтении можно «раскрутить» все и иначе. Только ли презрение вызывает в нас «отрицательный» Липнин? Он ведь и жену любит, и о сыне заботится, и за дело по-своему болеет — только вот не на своем месте находится: «Из всех обязанностей главврача Семен Павлович более всего любил хозяйственную деятельность. Это была его родная стихия». Дайте ему административно-хозяйственную должность — может, он совсем другим человеком нам покажется.

А Новгородов? Такой ли уж он ангел? Любит дело, классный врач, но ведь сух, категоричен, прямолинеен. Сорок лет и не женат. В этом ведь тоже есть своя какая-то «духовная недостаточность», мешающая обрести друга в личной жизни. И все это пусть и фоном, пунктирно, но проглядывает в повести. Вот именно — в повести, совсем маленькой повести в 27 журнальных страничек (другой рассказ больше). Я представляю, как иной писатель-монументалист соорудил бы из взятого А. Алексина конфликта этакий роман из страниц на пятьсот. Да и есть, наверно, такие романы, уже написаны, и мы их читали. Вас смущает конструктивность, смоделированность, четкая организованность повести Анатолия Алексина (в этом смысле она действительно необычна и непривычна для страниц «Нашего современника»? Ну, отложите повесть — опастельной, аморфной, рыхлой прозы у нас хоть пруд пруди.

«Как прямолинейно вы все толкуете? Хотя я понимаю, что хирургия — самая прямолинейная профессия в медицине», — говорит в повести Семен Павлович Новгородову. «Шахматная проза», говорите вы? А может, просто профессиональная. В шахматы играют и любители, но выигрывают мастера».

Павел УЛЬЯШОВ